

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2021.4.1

Три статьи в журнале – научная

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВА ПРОБЛЕМЫ

PERSONAL DEVELOPMENT RESOURCES OF MODERN RUSSIAN SOCIETY: A RETROSPECTIVE AND PROSPECTIVE PROBLEM

© 2021 г.

Ю. Г. Волков *

© 2021

Yu. G. Volkov *

* Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования заключается в изучении социального значения личности как важнейшего ресурса общественного развития.

The purpose of the study is to research the social significance of the individual as the most important resource of social development.

Методологическая база. Автор рассматривает понятие личности, совмещая философский и социологический подходы, выделяет его основные смысловые аспекты, опираясь при этом на идеи и теоретические разработки крупнейших социальных мыслителей классического и современного периодов.

The methodological basis of the research. The author considers the concept of personality, combining philosophical and sociological approaches, identifies its main semantic aspects, while relying on the ideas and theoretical developments of the largest social thinkers of the classical and modern periods.

Результаты исследования. В статье дается анализ отношения социума к личности в диахронном срезе, подробно рассматриваются изменения этого отношения в различные исторические эпохи – в досовременном обществе, индустриальном и современном развитии, вышедшем за рамки индустриального развития к постиндустриализму. В статье представлены результаты анализа характеристик креативной ориентации личности, прослеживается связь их формирования с гуманистической парадигмой образования, обеспечивающей возможность свободного и всестороннего развития способностей личности, удовлетворения всех индивидуальных образовательных потребностей.

Research results. The article analyzes the attitude of society to the individual in a diachronic cross-section, examines in detail the changes in this attitude in various historical epochs – in a pre-modern society, industrial and modern developed, which has gone beyond industrial development to post-industrialism. The article presents the results of the analysis of the characteristics of the creative orientation of the individual, traces the connection of their formation with the humanistic paradigm of education, which provides the possibility of free and comprehensive development of individual abilities, satisfaction of all individual educational needs.

Перспективы исследования. Отмечается необходимость изучения зависимости уровня развития общества, в том числе современного российского, от эффективности формирования в массовом масштабе креативных личностных качеств у молодого поколения.

Ключевые слова: личность; социализация; традиционное общество; индустриальное общество; постиндустриальное развитие; гуманистическая парадигма образования; социальный характер; габитус; креативность.

Prospects of the study. The necessity of studying the dependence of the level of development of society, including modern Russian, on the effectiveness of the formation of creative personal qualities in the younger generation on a mass scale.

Keywords: personality; socialization; traditional society; industrial society; post-industrial development; humanistic paradigm of education; social character; habitus; creativity.

Введение

Современное развитое общество отличается от всех предшествующих не только высочайшим уровнем технико-технологического могущества, но и, прежде всего, качественно иным отношением к личности. Этим фактом обусловлена актуальность обращения к тематике взаимоотношений личности и социума в современном мире. В настоящей статье мы ставим перед собой задачу показать, как менялись в истории человечества установки общества во взаимодействии с отдельной личностью и как эти установки трансформировались в современном социуме, осознавшем значимость личности как своего важнейшего ресурса.

Прежде всего, речь идет о смене общественного мировоззрения. Практически все мифологические и религиозные трактовки истории общества описывают ее как финитный процесс, т. е. такой, который, сколько бы ни длился, неминуемо должен прийти к завершению. И это не случайное совпадение и не заблуждение коллективного воображения. Человек устроен так, что не может не устремлять взгляд в будущее, которое, помимо того что должно оправдать его ожидания или успокоить его тревоги, обязательно должно нести в себе некую финальную точку. Момент, когда окончательно победит так долго ожидаемая справедливость, будет выявлено и вознаграждено добро, повержено зло, а главное – момент, с которого начнется обновленная, более совершенная жизнь, из которой будет устранено всё то, что раньше препятствовало ее совершенству. И к прежнему устройству мира не будет больше возврата, общество необратимо изменится.

К этому окончательному изменению в сторону совершенства предлагались разные пути. От религиозной веры и аскетических подвигов до мировой пролетарской революции, от мировых войн до создания ядерного паритета, от отрицания традиционных форм социальной жизни до возвращения к традиции и отказу от современности. Вокруг этого ожи-

даемого изменения формировались великие утопии и грандиозные социальные проекты, велась ожесточенная борьба идей, ради него считались оправданными любые жертвы. Эпоха модерна – время великих идеологических формул и масштабных целей, время вынашивания человечеством исторических ожиданий и надежд.

Прошли века, отделяющие нас от традиционного общества, были реализованы масштабнейшие в истории общества преобразования и проекты. История последних веков вместила в себя революции и государственные перевороты, образование и распад огромных империй, две мировые войны, холодную войну, противостояние идеологий, великие открытия и изобретения, создание литературных и художественных шедевров, компьютерную революцию, принесшую неведомые раньше возможности. Изменились приоритеты в области вкуса и стиля, досуговые практики, отношение человека к своему телу, отношение общества к людям с ограниченными возможностями. Появилась новая парадигма воспитания детей. Возникло множество фондов и общественных организаций.

Какие-то полвека назад европейская культура в лице Т. Адорно задавалась вопросом: «Как возможно писать стихи после Освенцима?». Чудовищность Второй мировой войны воспринималась как уничтожение человеческого в человечестве, глубочайший и, по всей видимости, необратимый кризис гуманистического мировоззрения. В попытках философски осмыслить произошедшее мыслители XX в. искали его корни в психологии тоталитаризма, массовизации культуры, секуляризации, утрате религиозных ценностей и веры, росте индивидуалистических настроений и поклонения сильной личности, а проще говоря, силе как таковой. Но прошли десятилетия – и оказалось, что после концлагерей возможны и стихи, и музыка, и новые жанры культуры, появились новые яркие философы, новые социологические школы. Общество научилось жить дальше, преодолело свою боль и потрясение, вынесло из случившегося уроки, а отчасти исцелило свои раны благодаря целительной силе времени. Этот факт сам по себе стал уроком того, что жизнь человеческого общества преодолевает и перемалывает самые трагические периоды и продолжается вопреки всему.

Человечество пережило кризис и крушение великих утопий и проектов. Вслед за кризисом религиозного мировоззрения и веры, нашедшим отражение в процессе секуляризации общества и культуры, и обращением к идеалам и ценностям Просвещения произошли распространение и расцвет коммунистической идеологии, ее частичная реализация в пространстве СССР и ряда восточноевропейских и азиатских стран, а затем ее крушение, приведшее к крупномасштабным геополитическим

сдвигам. Казалось бы, «идеология» и экономическая концепция неолиберализма победили, в том числе в России и на постсоветском пространстве. Мы берем слово «идеология» в кавычки, поскольку сама идея либерализма предполагает формальную деидеологизацию общества. Тем не менее прошел еще десяток лет – и либерализм в России оказался смещенным со своих победных позиций и дискредитирован в массовом сознании, превратившись в оппозиционную систему идей.

Обратившись к относительно недавнему прошлому – так называемым лихим девяностым, мы увидим, как происходила постепенная дискредитация либерального мировоззрения в глазах россиян. «Шоковая терапия», обесценивание и фактическое уничтожение сбережений населения, многомесячные задержки зарплат и пенсионных выплат, грабительская приватизация, бесславно закончившаяся ваучеризация, демонстративное потребление чиновников всех уровней, разграбление государственного бюджета – всё это в сознании народа прочно связалось с представлениями о значимости прав и свобод человеческой личности, либерально-демократической моделью политических институтов, выходом за пределы традиционных коллективистских ценностей. Для определенной категории населения даже слово «демократия» приобрело негативную коннотацию. Можно сказать, что первый опыт вхождения России в пространство демократии и либерализма оказался чреватым разочарованием в «новых ценностях».

Девяностые и даже конец восьмидесятых годов прошлого века ознаменовались повышенным интересом значительной части интеллигенции и в целом населения к конфессиональной религиозности. Студенческая молодежь с энтузиазмом слушала выступления приглашенных православных священников, впервые за долгое время имена наиболее ярких священнослужителей стали появляться в прессе, вернулась возможность открыто отмечать религиозные праздники. На волне религиозного ренессанса стали открываться в большом количестве семинарии и другие религиозные учебные заведения традиционных для России конфессий. Роль последних в культурной и общественной жизни страны в целом значительно повысилась, авторитет возрос. Однако дойдя до определенного уровня, эта волна ослабела. Религиозность большей части населения осталась на уровне формальной конфессиональной идентификации, но при этом у многих наступила рутинизация и общий ажиотажный интерес к религии и церкви 90-х гг. заметно снизился.

Таким образом, общество, и российское в том числе, пережило множество разочарований. В первую очередь разочарования в больших идеологических проектах, которые продемонстрировали свою ограни-

ченность и непомерность предъявленной за них исторической цены. Разочарование принесли и попытки реконструкции традиционных алгоритмов социального бытия, от которых современное человечество в большинстве своем отошло слишком далеко. Сегодняшнее общество во многом напоминает известную пушкинскую формулу: «Я пережил свои желанья, я разлюбил свои мечты». Мы живём в мире множества понятий с приставкой *пост-*: постиндустриализм, постмодернизм, постклассика, постсоциалистические страны, постсоветское пространство, постковидная эпоха. Мы знаем, после чего живем и действуем, но ради чего, во имя чего?

Современное развитое общество по многим параметрам существенно отличается от социального мира сравнительно недавнего прошлого. Одно из наиболее фундаментальных отличий – отношение к человеческой личности. Актуальность темы данной статьи определяется этим обстоятельством.

Личность и общество: методология исследования проблемы

Социум и индивид при всей неразрывной связанности в то же время характеризуются напряжением, всегда существующим между ними. Общество состоит из индивидов, но не сводится к ним, представляя собой совершенно особую реальность, живущую по своим законам. Индивиды всегда вовлечены в социальные взаимодействия, однако их потребности и желания ограничены рамками, поставленными обществом. Но уберечь эти рамки – и начнется описанная Т. Гоббсом «война всех против всех». Общество и индивид живут одной жизнью, но в каком-то смысле находятся в антагонизме. Разумеется, социальное, обладая огромной специфической мощью, стоит над индивидом, оно сильнее его, в той или иной степени контролирует его, формирует его изначально таким, каким он наиболее социально приемлем и полезен. Неслучайно классик социологии Э. Дюркгейм назвал процесс формирования личности обществом социализацией: это придание индивиду социального лица, отпечатка, по которому безошибочно узнается свой. Вкладывая в индивида определенный код социального взаимодействия, общество делает его управляемым, внушает ему набор ценностей и норм, посредством которых ориентирует и контролирует его поведение. Таким образом, общество в принципе доминирует над индивидом, и в значительной мере именно оно наделяет его личностью.

Личность как понятие имеет два уровня: психологический и социальный. С психологической точки зрения под личностью понимается структурированная совокупность характерологических черт и качеств,

укорененных на уровнях сознательного «я» и бессознательного – комплексов и влечений, не осознаваемых индивидом, но находящихся проявление в его реакциях, поведении, творческой активности. В социальном смысле личность (или «социальная личность») – это сформированный обществом посредством социализации срез характера, для которого наиболее существенны социально обусловленные запреты и предписания, интериоризированные индивидом и ощущаемые им как его идентичность.

Согласно известному определению К. Маркса, «сущность человека не есть абстракт, присущий данному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (Маркс, 1955. С. 1–4). Это сказано именно о социальном аспекте личности. Социальное лицо человека – это портрет общества, отразившийся в его индивидуальных чертах. Такой портрет может быть разным в зависимости от социального положения родительской семьи, в которой происходила социализация, уровня образования и профессии, имущественного статуса, гендерной и этнической идентичности, но, несмотря на все различия, обязательно будет просматриваться общий профиль, характерный для именно этого социума.

В социологии П. А. Сорокина такой общий профиль – социальный тип личности – рассматривается как один из компонентов так называемой социокультурной триады, неразрывного триединства, в которое также входят социальная структура общества и объединяющий его тип культуры. Оба эти компонента накладывают отпечаток на формируемую в недрах общества личность, и этот отпечаток схож у всех носителей данной культуры. Э. Фромм обозначает такой стандартный для общества набор качеств понятием «социальный характер» (Добреньков, 2006). Это совокупность черт, которые свойственны каждому конкретному индивиду не от природы, как врожденные склонности и качества, а в силу его принадлежности к определенному обществу и социальному слою. П. Бурдьё, как и Фромм, относит такой социальный характер к неосознаваемым параметрам личности, но если для Фромма это сфера бессознательного, то для Бурдьё – принадлежность дорефлексивного уровня социальной когниции, особая когнитивная структура – габитус (Бурдьё, 1998).

Габитус формируется посредством процесса неосознанной габитуализации – «опривычивания». Определенные траектории социального познания и поведения, принятые в данном обществе или социальной группе, классе, воспроизводятся акторами так часто, что становятся частью их личности, системы представлений о мире, социальных отношениях, правильных и неправильных вариантах повседневных практик.

Габитус проявляется в социально унифицированных формах поведения, наборе привычных до неосознаваемости представлений и норм.

В художественной литературе неоднократно обыгрывался сюжетный ход, основанный на комическом или трагикомическом контрасте между социальным статусом персонажа и проявлениями габитуса, когда герой попадает в ситуацию, в которой его социальный статус не работает, а габитус сохраняется и диктует совершенно неуместный в изменившихся условиях стиль поведения.

Сформированная личность, соединяющая в себе получившие развитие природные склонности и дарования, а также приобретенный в ходе социализации «социокультурный багаж», представляет собой наиболее драгоценный и значимый продукт общества. Выращенная личность – огромная ценность, несущая в себе потенциал будущего сохранения и развития самого социума, его человеческий капитал.

Диахронный срез отношения общества и личности под углом зрения новейшей российской истории

В то же время на протяжении истории человечества в целом и истории России в частности социальная значимость человеческой личности осознавалась обществом далеко не всегда и не во всей полноте. Общества традиционного типа, а это почти вся история, за исключением последних нескольких веков, основывали характерный для них социальный порядок на представлении о кардинальной, несоизмеримой разнице в ценности между коллективом (род, семья, соседская община) и отдельно взятым человеком, даже принадлежащим к доминирующему общественному классу или сословию, к мужскому гендеру. Процесс социализации был жёстким и суровым, включал в себя сложные, порой рискованные испытания в ходе инициации юношей в статус полноценных членов общества. Индивид брал на себя обязательство безграничной и бескорыстной преданности коллективу, его культурному символизму и ценностям.

Для традиционного общества социальные роли и функции, ассоциированные с индивидом, имели гораздо большее значение, чем он сам. Жесткая ролевая структура, детерминирующая обязательный набор функций, не предусматривала возможности индивидуального своеобразия и своеволия. Личностная состоятельность человека определялась способностью к эффективному исполнению ролевых функций, а сами роли – статусом в социальной иерархии, в первую очередь гендерной принадлежностью. Уклонение от предписанных обществом ролей становилось основанием для социальной стигматизации не только данного

человека, но и в той или иной мере членов его рода или семьи. И напротив, тот, кто особенно самоотверженно и плодотворно исполнял предписанные обществом роли и функции, становился гордостью рода и был прославлен в поколениях.

Формирование общества индустриального типа принесло большие изменения и в сферу взаимоотношений личности и социума. Прежде всего, среди таких изменений следует отметить ослабление и в конечном счете разрыв многочисленных связей, соединявших индивида с родственниками и соседской общиной. Перебираясь в города, индивиды выходили из-под контроля родственников, обретали гораздо больше свободы и нового опыта жизни за пределами традиционной общины. В то же время человек многое и утрачивал: теплоту и эмоциональную наполненность родственных отношений, традиционно сложившееся понимание смысла собственной жизни как выполнения традиционных ролей и функций, прочные горизонтальные социальные связи, поддерживавшие его в трудные моменты жизни.

Индустриальное общество достаточно быстро сформировало новую ментальность. Тяжелый труд на производстве, чрезмерно продолжительный рабочий день, невысокая заработная плата и невыносимые бытовые условия – всё это заставляло индивида ощущать себя колесиком и винтиком огромного и сложного производственного механизма. Наиболее ценными качествами человека стали физическая выносливость, здоровье, дисциплинированность, трудолюбие, т. е. черты, определяющие его не столько как личность, сколько как работника, а вернее, еще один, наделенный речью, производственный инструмент наряду со станками и машинами. Свершившаяся в России пролетарская революция отчасти облегчила положение человека труда, улучшила условия его существования, однако поставила перед ним целый ряд новых, еще более сложных задач – усвоение коммунистической идеологии, бескорыстный ударный (высокоинтенсифицированный) труд на производстве, учеба и самосовершенствование. Женщины, получившие равные с мужчинами права на участие в общественном производстве, образовании, производственную и партийную карьеру, вынуждены были совмещать всё это с тяжелым домашним трудом, рождением и воспитанием детей, поскольку семья, несмотря на провозглашенное равноправие, продолжала сохранять отчетливые черты патриархального быта.

В рамках мировоззрения социалистического индустриализма личность, хотя и получившая стимулы к интеллектуальному развитию, учебе, самосовершенствованию, всё же рассматривалась по-прежнему главным образом как носитель производственных и семейных (остаточных)

ролей и функций. Ее ценность для общества сводилась к этому измерению, труд был всеобщей обязанностью и долгом. Кинофильмы и литературные произведения, живописные полотна и песни, посвященные человеку труда, составляли значительную долю советской культуры; в них подчеркивалась приоритетность профессионально-производственных интересов и дел по отношению ко всем остальным составляющим жизни, изображался соответствующий эпохе идеальный тип личности – жесткий и принципиальный, самоотверженный, погруженный в работу, аскетичный во всем остальном человек. Производственный труд героизировался и получал от общества щедрое моральное вознаграждение.

При этом советское индустриальное общество предъявляло высокие требования к интеллектуально-образовательному развитию личности. Целенаправленная борьба с неграмотностью, создание сети вечерних средних учебных заведений для работающих взрослых людей, не успевших завершить школьное образование, система заочного высшего образования вкупе с разнообразными правами и льготами для обучающихся без отрыва от производства (оплачиваемые учебные отпуска на время сессий и подготовки дипломных работ, бесплатный проезд к месту учебы и обратно) – всё это обеспечивало реальную возможность продолжать образование, расти как специалист.

Идея всестороннего развития личности, почерпнутая из философских работ классиков марксизма, входила в комплекс коммунистической идеологии как одна из формальных целей общественного развития. Однако если классики марксизма ассоциировали эту идею с существенным и почти полным освобождением личности от монотонного производственного труда в результате построения нового общества, то реальный индустриальный социум предлагал человеку совмещение самоотверженного труда на производстве и личностного самосовершенствования. Очевидная дисгармония в развитии, проистекавшая из предельной загруженности на производстве и предельного же погружения в профессиональную деятельность (согласно К. Пруткову, «специалист подобен флюсу»), компенсировалась обществом посредством стимулирования самодеятельного творчества – театров и студий, а также бесплатных массовых занятий физкультурой и спортом, сдачи нормативов ГТО.

Тем не менее социалистическое индустриальное общество объективно накладывало значительные ограничения на развитие личности. Невозможность выезда за границы страны для рядовых граждан, жесткая идеологически ориентированная цензура, прямой запрет публикаций целого ряда крупнейших писателей, поэтов, вмешательство идеологических авторитетов и государства в деятельность ученых, запрет некото-

рых перспективных направлений науки, фактически негласный запрет на обсуждение сексуальных проблем – всё это не могло не способствовать определенным деформациям в личностном развитии.

Перспективы отношений личности и развития современного российского общества

Современный период в жизни российского общества принято характеризовать как постсоветский. В известном смысле эта характеристика указывает не только на место нашего времени в исторической хронологии, но и на то, что оно еще не приобрело своего собственного исторического лица, качественной определенности, коль скоро определяется через отсылку к предшествующему периоду. И действительно, нам представляется, что современное российское общество последние десятилетия находится в состоянии неопределенности, становления, поисков и конструирования новой культурной идентичности. В том числе и нового отношения к человеческой личности как таковой.

Исторически российской культуре всегда была присуща коллективистская аксиология, с точки зрения которой индивидуальное изначально и сущностно несопоставимо менее значимо, чем общественное, тем более государственное. С другой стороны, великая русская литература всегда чутко ощущала это и тяготела к уравниванию сложившейся ментальной ситуации, обращаясь к судьбе «маленького человека», или, выражаясь привычным языком современной социологии, рядового актора. Всегда этот рядовой герой в предельном психологическом напряжении ведет одинокую борьбу за существование, свои чувства, самого себя и практически всегда проигрывает, погибая, сходя с ума, теряя свое последнее малое достояние. Слишком неравны силы: борьба ведется с монструозным макроактором, государством, которое, в отличие от «маленького человека», могущественно, бессмертно, обладает безусловной приоритетностью в решении своих задач.

Советское общество в значительной степени, несмотря на успехи индустриализации, оставалось традиционным, основывая свою культуру на ценностях и моделях коллективизма. И лишь постсоветский период, связанный с масштабным заимствованием индивидуалистических и достижительных ценностей западной культуры, поставил доминирование коллективистских ценностей под вопрос.

В настоящее время российское общество, сохраняя традиционные ценности, тем не менее учитывает в своей аксиологической ориентации и актуальные ценности культурного мира современности, для которого личность, развитие ее уникального потенциала и способностей, право на

безопасность, здоровье, самореализацию являются приоритетной ценностью. Это связано с некоторым смещением акцентов с индустриальной аксиологической парадигмы к постиндустриальной. Если в индустриальной парадигме, как было сказано выше, личность рассматривалась с точки зрения прежде всего ее возможного вклада в развитие производства и экономики, т. е. в отношении личность – социум доминировал, несомненно, социум, его перспективы и задачи, то в настоящее время к человечеству пришло осознание того факта, что счастье, развитие и творческая реализация каждой личности – независимо от масштаба ее способностей, гендерной и этнической принадлежности, социального статуса – составляют основной смысл существования общества. Чем лучше условия развития и самореализации для каждой личности создает общество, тем больше оно само развивается и процветает, тем значительнее его перспективы на будущее. Уважительное отношение к личности, внимание общества и государства к ее внутреннему миру и потребностям – залог той отдачи, которую общество в дальнейшем получит от каждого своего члена.

Ориентация на личность как предельную ценность в своей основе гуманистична. Никакие грандиозные задачи и цели социума не перевешивают значимости человеческой жизни, достоинства человека, его самоуважения и благополучия. Гуманистическое мировоззрение тяготеет к тому, чтобы не соизмерять ценность каждой личности с какими-либо внешними абсолютными критериями. Философы современности пишут, что абсолютные, доминирующие мерилы и критерии, сопряженные с господствующими идеологиями или социальными проектами, к настоящему времени изжили себя и больше не работают. Это значит, что грандиозные проекты и цели не могут оправдывать гибель или ограничение в правах людей, к какой бы социальной, гендерной, религиозной группе, к какой бы субкультуре они ни относились.

Приоритетная ценность личности означает и переход в категорию относительных ограничений и иерархий, которые прежде казались жесткими и абсолютными. Иерархия имущественных, социальных, гендерных статусов, титульных наций и этнических меньшинств, всевозможные разделения, реализация которых приводит к признанию неравноценности человеческих существ, приобретают относительный и условный характер, несмотря на то что сохраняются в обществе в силу самой природы социального, которая требует ранжирования.

Таким образом, аксиология, ориентирующая на приоритет личности, имеет далеко идущие социальные и мировоззренческие следствия. Она акцентирует необходимость по-настоящему равных и справедливых

социальных отношений, в основу которых закладывается представление о ценности и значимости каждого актора.

Внимание к потребностям и запросам личности способствует и гуманизации отношения общества к людям с функциональными ограничениями по состоянию здоровья, тем, кого в недавнем прошлом квалифицировали как инвалидов. Традиционное отношение к таким людям как нуждающимся в сострадании социально неполноценным индивидам, место которых на периферии общества, постепенно заменяет стремление предоставить им равные со здоровыми людьми возможности развития творческих способностей и самореализации, а для этого создать необходимые инфраструктурные условия, так называемую безбарьерную среду, в которой ничто не препятствовало бы учебе и социальному продвижению.

Одним из наиболее фундаментальных аспектов аксиологии, ориентированной на ценность личности, является гендерный аспект. Традиционные социальные представления, сформировавшиеся за столетия доминирования патриархальной культуры, базировались на объективации женского, отрицании за женщиной личности, субъектности, которая приписывалась мужскому гендеру вместе с делегированным ему социумом правом доминирования в межгендерных и внутрисемейных взаимодействиях, принятия значимых решений, в том числе касающихся личной судьбы женщины, возможности распоряжаться ее телом. Возвращение женщине ее личности, реальное, а не только формальное признание социумом ее как полноценной, равной мужчине социальной фигуры – одна из фундаментальных характеристик современного развитого общества, преимуществом которого является возможность раскрытия и использования духовного, культурного, креативного потенциала женщин как личностей, интеграции женского начала в культуру социума, исторически сформировавшуюся на основе мужской доминанты.

Личностно ориентированная аксиология меняет также и парадигму воспитания, проистекающую из отношения общества к детям. В традиционных обществах детство как этап жизни человека в социуме было кратким, и посредством более или менее жестких инициатических ритуалов юноши сразу переходили в статус взрослых членов коллектива со всем спектром обязанностей и преимуществ. На протяжении истории человечества несовершеннолетние, не обладающие полнотой правового статуса взрослого человека, не рассматривались обществом и как личности, обладающие человеческим достоинством, неповторимым внутренним миром, собственными стремлениями и интересами, несводимыми к интересам и желаниям родителей или опекунов. В соответствии с этими социальными представлениями была построена и система образователь-

ных и воспитательных практик, которые основывались на принуждении и жесткой дисциплине, безоговорочном подчинении младших старшим, а в не столь далеком прошлом и физических наказаниях. Суровость дисциплины была свойственна и советской школе, в которой она совмещалась с идеологизированностью и заформализованностью воспитательной работы.

Согласно концепции знаменитого французского социолога П. Бурдьё, сама семантика учреждений образования, в частности, учительский стол, отделяющий педагога от учеников, фиксирует и транслирует детям доминирующую позицию учителя, его полномочия дисциплинировать и контролировать поведение учащихся. Иерархизированность системы учебных заведений представляет собой минимизированную модель социальной иерархии с беспрекословным подчинением педагогу (Рысакова, 2007).

Гуманистическая педагогика, тренд последних десятилетий, напротив, основывается на принятии личности ученика со всеми ее особенностями и своеобразием, потребностями, слабыми и сильными сторонами. Принципами гуманистической парадигмы образования являются недопустимость подавления личности учащегося, уважительное отношение к ней, внимательное отношение к психологии детей, в противовес стремлению сделать из них дисциплинированных «маленьких взрослых», широкое использование элементов игровых технологий в процессе обучения, зачастую отказ от системы фиксированных оценок, способных травмировать ребенка и вызвать у него чувство собственной неполноценности. Товарищеские взаимоотношения с учителем, более свободные рамки поведения в классе, равное совместное обсуждение учебных тем, демократическая атмосфера и отношение к ученику как к равному, хотя и младшему по возрасту, участнику учебного процесса – таковы характерные компоненты гуманистической (лично ориентированной) парадигмы в педагогике. Эти ее специфические черты, как утверждают исследователи, позволяют не только формировать у учащихся личность, наделенную ответственностью и чувством собственного достоинства, но и развивать у них креативность, оригинальное и самостоятельное мышление, что необходимо для становления профессионалов XXI в., которым придется в будущем решать нетривиальные и сложные задачи, не имеющие готовых образцов для решения.

Способность к самостоятельному мышлению и креативные качества – наиболее востребованные временем черты личности наступившей эпохи. На протяжении всей истории человечества творческие личности рождались в результате спонтанных и таинственных проявлений природы. Как справедливо отмечают исследователи, «ни одна из существо-

вавших ранее государственно-общественных систем образования никогда не была (и не могла быть) реально нацелена на формирование подобных личностей как массового социального типа. Ведь вплоть до рождения постиндустриального мира отсутствовали объективные предпосылки для перевода проекта формирования личности-творца в практическую плоскость, для превращения данного проекта в теоретическую базу образовательной политики» (Новиков, 2013). При этом, как подчеркивает тот же автор, «формирование системой образования человека-творца, продуцирование ею *homo creator* а как массового социального типа сыграют судьбоносную роль для грядущего человечества» (Новиков, 2013).

Казалось бы, творческая личность – уникальное создание природы, и превратить ее в массово распространенный социальный тип, да еще и целенаправленно формировать таких людей системными методами – скорее очередная утопическая цель, чем реальная практическая задача. Но тем не менее современное развитое общество, усложняющееся по экспоненте, требует именно массового формирования креативных качеств. Ибо даже повседневная производственная деятельность в мире высоких технологий настолько сложна и многообразна, настолько часто ставит перед необходимостью самостоятельной постановки и нетривиального решения разнообразных проблем, что именно от массового работника требуется креативное развитие. Это касается не только мышления творческого типа, которое должно формироваться еще в детском возрасте системой образования, но и определенных социальных способностей и навыков, также нуждающихся в раннем развитии на массовом уровне. К подобным личностным качествам и навыкам относятся «открытость инновациям и инициативам, готовность к свободному выбору и ответственности, с одной стороны, и готовность объединить свои усилия с усилиями других людей, признаваемыми равными ему по своим правам и возможностям – с другой» (Новиков, 2013).

Такие личностные черты являются социально привитыми, представляют собой продукт социализации в определенном социокультурном контексте, результат габитуализации социально принятых и востребованных форм поведения. Дело не в индивидуальных природных талантах и способностях, хотя и их можно или развивать в благоприятной социальной среде, или благополучно закопать в землю, даже не узнав об их существовании. Дело именно в формировании социального профиля личности, который оптимально соответствовал бы необходимости решать поставленные современной эпохой сложные задачи – профессиональные, исследовательские, управленческие. Нетрудно заметить, что подобный тип личности существенно отличается от качеств забюрокра-

тизированного чиновничества, неоднократно шокировавшего общественное мнение высокомерным отношением к согражданам, черствостью, инертностью.

Формирование личностных качеств, востребованных реалиями XXI в., становится важнейшей задачей всех национальных систем образования. Однако здесь есть подводные камни. Один из наиболее ярких современных авторов, пишущих о состоянии современного образования, Чжао Юн, говорит о различии присутствующих сегодня в практике обучения и в социолого-образовательном дискурсе двух парадигм: несмотря на то что обе парадигмы ориентированы на подготовку детей к успешной жизни, первая из них сосредоточивает внимание на передаче комплекса изначально определенных в качестве ценных знаний и навыков, а вторая делает упор на развитие индивидуально-личностного потенциала каждого ученика. Первая изначально исходит из того, что необходимые знания и навыки можно определить, прогнозируя потребности общества и экономики, тогда как последняя утверждает, что ребенок с развитым потенциалом сам есть ценность и делает себя ею своим собственным способом (Чжао Юн, 2017). При этом различие в парадигмах не остается чисто теоретическим, но находит проявление в разнице институциональных структур системы образования, а также образовательных и воспитательных стратегий. Образование, ориентированное на эффективность трансляции предписанного знаниевого контента, предполагает наличие стандартизированных критериев, в соответствии с которыми должен производиться мониторинг развития каждого учащегося. При этом идеалом ученика является тот, кто наиболее качественно и эффективно усваивает стандартизированный материал, а идеалом учителя – соответственно, тот, кто наиболее результативно его транслирует. Такая парадигма образования, доставшаяся нам от прошлого, ориентирует на унифицированность требований, методов и методик, единые стандарты обучения, развитие соревновательности и жесткую систему оценок. Результатом практик образования, осуществляемых в рамках этой парадигмы, становится формирование квалифицированных исполнителей, которые были предельно востребованы в индустриальную эпоху как качественные функционеры на производстве. Однако в такой парадигме крайне сложно сформировать творчески инициативную, ответственную личность, способную быть не только исполнителем, но и генератором новых идей, креативных моделей, изобретений, а именно этого ждет от молодого поколения эпоха, в которую мы вступили. Ориентированная на решение этих задач образовательная парадигма основывается не на стандартизации и соревновании результатов, что нивелирует своеобра-

зие личности ученика, а на максимизации индивидуальных различий. Как отмечает Чжао Юн, у школ, следующих этой парадигме, нет стандартизированной общей программы. Каждый ребенок следует своим интересам и увлечениям, а учителя реагируют на это и поддерживают индивидуальные устремления, соответственно этому оценивается и развитие школьника (Чжао Юн, 2017). В такой ситуации сам ученик берет на себя роль основной движущей силы образовательного процесса, проявляет активность не только в усвоении стандартизированного набора знаний, но и в поиске и постановке нерешенных проблем, в попытках их решения.

Развитие креативных личностных качеств и социальных навыков – главная задача современного образования. От способности систем образования к формированию таких качеств на массовом уровне зависит в дальнейшем конкурентоспособность общества, его перспективы вписаться в число развитых социальных систем, построить у себя инновационную экономику и создать благоприятную и комфортную для человека социокультурную среду, в которой личностное развитие каждого будет обеспечиваться не только его собственным стремлением, но и самой общественной атмосферой.

Личность является центральным звеном социума. В ней кристаллизуются и становятся очевидными все его характеристики. Социальный тип личности в своих чертах зависит от того, каков сам социум, в особенности каковы его приоритетные ценности. Если общество ориентировано на частногрупповые ценности и цели или находится в состоянии аксиологического хаоса, аномии, то и продуцируемый им тип личности будет отражать кризисные социальные характеристики. В частности, аномийное состояние общества ведет к психологической аномии у его членов, что способствует ценностной дезориентации молодых людей, распространению потребительских поведенческих установок, ослаблению мотиваций к личностному развитию.

В то же время совершенно ясно, что и общество зависит от доминирующего социального типа личности. Эффективность работы социализационных механизмов определяется адекватностью заложенного в них ценностно-нормативного содержания запросам и потребностям не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Инертность институтов социокультурного воспроизводства, наличие формальных, имитационных моментов в их функционировании препятствуют эффективности их воздействия на формирующуюся личность.

Резюме

Можно, как нам представляется, выделить два базовых аспекта взаимосвязанности личности и формирующего ее социальный характер общества. Прежде всего, как уже говорилось выше, личность, всестороннее развитие ее способностей, полное раскрытие заложенного в ней потенциала, ее гармоничная вписанность в жизнедеятельность социума – это главная его цель и ценность.

Как цель общественного развития личность представляет собой объект бесконечного совершенствования посредством социальной и образовательной политики, это то, ради чего, во имя чего общество предпринимает усилия по повышению качества жизни, уровня материального благосостояния и социального комфорта.

Рассматриваемая как приоритетная социальная ценность, личность – это критерий реального уровня общественного развития. Общество, которое наивысшим образом ценит человека как такового, его жизнь, безопасность и развитие, – это гуманное, ориентированное на благо своих членов, осмысленно функционирующее общество, в основу своего бытия ставящее наиболее глубокие философские принципы. Такому социуму присущи милосердие, толерантность, ответственность за принимаемые правительствами решения, готовность слышать голос своих членов и реагировать на их потребности.

Одновременно личность являет собой и главный ресурс общества, его человеческий потенциал, то, от состояния чего зависит его будущее, то, качеством чего определяется эффективность всех усилий в экономике, политике, культуре. Длительное время в советском обществе идеологи и функционеры социального управления полагали, что главную роль в достижении заявленных целей и планов общественного развития играют правильная классовая структура общества, осуществляемая в интересах трудящихся классов – рабочих и крестьянства – экономическая и социальная политика, в целом объективные, материализованные так или иначе условия и факторы. Позднее это представление трансформировалось в базовую идею реформаторов первой волны, осуществлявших преобразование в начале девяностых годов, о том, что радикальное преобразование институциональной структуры общества по образцу стран с развитой рыночной экономикой само по себе повлечет за собой стремительный рост благосостояния народа. Однако трансформации объективированных структур общества оказалось недостаточно для того, чтобы ситуация изменилась в лучшую сторону. Значимость человеческого фактора, акцентированная еще в первые годы перестройки, оказалась более

существенной. Выяснилось, что для интенсивного развития новых технологий, производства, повышения правовой культуры и преодоления «родимых пятен», негативных моментов исторического прошлого, для решения застарелых социальных проблем в первую очередь необходима личность того, кто осуществит все эти преобразования. Необходимо высокое качество человеческого потенциала. Для российского общества с его сложной и трагической историей, многочисленные катаклизмы которой препятствовали эффективному социальному развитию, проблема человеческого потенциала стоит особенно остро, хотя и в целом современный мир испытывает значительную потребность в ярких креативных личностях, способных осуществлять прорывы глобального масштаба в различных областях знания и производства. Значимость креативных личностей как двигателей социально-экономического развития экспоненциально растет.

Литература

Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I, № 2.

Волков Ю.Г. Российское общество в XXI веке. Личностное измерение социального развития. М.: РУСАЙНС, 2021.

Горшков М.К. Есть такая профессия – общество изучать. Избранные статьи, интервью, биографические откровения. М.: Весь мир, 2020. 464 с.

Добренков В.И. Психоаналитическая социология Эриха Фромма. М.: Альфа-М, 2006. 448 с.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 30 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 3.

Новиков С.Г. Проблемы воспитания в контексте постиндустриальной модернизации России // Непрерывное образование, XXI век. 2013. Режим доступа: <https://lll21.petrso.ru/journal/article.php?id=2084>.

Рысакова П. И. Предмет социологии образования: концепции П. Бурдьё // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 27.

Чжао Юн. Кто боится большого злого дракона. Почему в Китае лучшая (и худшая) система образования в мире. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2017.

References

Bourdieu, P. (1998). Structure, habitus, practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, I, 2. (in Russian).

Volkov, Yu. G. (2021). Russian society in the XXI century. Personal dimension of social development. Moscow: RUSAINS Publ. (in Russian).

Gorshkov, M.K. (2020). There is such a profession – to study society. Selected articles, interviews, biographical revelations. Moscow: Ves' mir Publ. (in Russian).

Dobrenkov, V.I. (2006). Psychoanalytic sociology of Erich Fromm. Moscow: Alfa-M Publ. (in Russian).

Marx, K. (1955). Theses on Feuerbach. In Marx K., Engels F. *Comp.* in 30 vols. Ed. 2. Moscow, vol. 3. (in Russian).

Novikov, S. G. (2013). Problems of education in the context of post-industrial modernization of Russia. *Nepreryvnoye obrazovaniye, XXI vek*. Available at: <https://lll21.petrso.ru/journal/article.php?id=2084>. (in Russian).

Rysakova, P. I. (2007). The subject of sociology of education: concepts of P. Bourdieu. *Izvestiya RSPU im. A. I. Herzena*, 27. (in Russian).

Zhao Yun. (2017). Who is afraid of a big evil dragon. Why China has the best (and worst) education system in the world. Moscow: Izd. Dom GU VShE Publ. (in Russian).

Для цитирования: Волков Ю.Г. Личностные ресурсы развития современного российского общества: ретроспектива и перспектива проблемы // Гуманитарий Юга России. 2021.4 (50). С. 14–32.
DOI 10.18522/2227-8656.2021.4.1

Сведения об авторах

Волков Юрий Григорьевич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор,
научный руководитель
Института социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 160,
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

История статьи:

Поступила в редакцию – 12.05.2021 г.
Получена в доработанном виде –
27.08.2021 г.
Одобрена – 16.09.2021 г.

Information about authors

Yury Grigorievich Volkov

Honored Scientist of the Russian Federation,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Scientific Adviser, Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University

160 Pushkinskaya St.,
Rostov-on-Don, 344006,
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru